

11.12.2003

Шагин Дмитрий

ДМИТРИЙ ШАГИН: СЕЙЧАС СКАЖУ КАК СТАТЬ МИТЬКОМ

«К интервьюшке я не подготовилась, — начала я беседу, позволяя себе роскошь предугадывания ответа, — портяшка не припасла».

«Ну, что вы, — Дмитрий Шагин, предводитель митьков, ответил, как и ожидалось, по-доброму — это же шутка, история. Я уже десять лет, как не пью». Стыдясь, уточнил: «Более того, я уже десять с половиной лет, как не пью». Далее разговор, точнее первая его треть, шел в аналогичном ключе, спустя же некоторое количество минут мы переключились на более неприципиальные предметы: Сардинию, Вятку, англичан, надевающих ради хохмы фуфайки и ушанки, и, скажем, Гребенщикова.

СПОКОЙНО И НЕ ТОРОПЯСЬ

— Вы вообще, что ли, не пьете?

— Ни-ни! Никакого алкоголя, ни даже пива! Ни даже шампанского на Новый год.

— А другие — пьют?

— Шинкарев (написал книгу «Митьки». — Ред.), он обычно так на это отвечает: «Митьки задумывались как срез общества. И потому, как и в обществе, там есть всякие представители. Пьющие и непьющие». Я вам так скажу, примерно половина из нас не пьет.

— Они перестали пить после того, как вы перестали?

— Ну, да.

— А Шинкарев сам, как?

— Не пьет. Уже десять с половиной лет не пьет. А его первая книга «Максим и Федор» была именно строго про пьянку. Там такая, как бы это сказать, ну, антология, что ли, русского пьянства.

— Ну, да. «Ларечки-то... Еще открыты! Только в них теперь... Квас, а не пиво!». Расскажите, как вы бросили пить.

— Дело в том, что в те времена, когда организовались митьки, уже началась перестройка. Горбачевский этот террор, когда тяжело было с алкоголем. А запретный плод, как известно, сладок. Террору хотелось противостоять. И митьки сделали свое дело, отстояли право выпивать спокойно, не торопясь. А вообще, на самом деле, ситуация такова, что много пить уже как-то не получалось, а мало пить — неинтересно стало. С рюмки-то — какой смысл? Глупо. А мне по массе тела надо много.

— Сколько?

— Ну, два литра мог выпить.

ВЫСШАЯ ФОРМА АЛКОГОЛИЗМА

— Вы вроде как посещали клуб анонимных алкоголиков?

— Собственно говоря, я в Питере организовал такой клуб. Называется он у нас «Группа имени отца Мартина». Отец Мартин — это такой человек-священник, который в Америки сделал центр. А мы — по подобию — сделали движение в Питере. К нам ежедневно приходят по сто человек.

— Они знают, что вы митьки?

— Да, конечно. Это наши знакомые. Еще когда Собчак был мэром, нам дали помещение на улице Правды. Очень хорошее помещение. Там у нас есть «Клуб трезвости отца Мартина». А по субботам — выставки разные, концерты, мероприятия, презентации книг бывают. Типа такая ставка митьков на улице Правды. А занятия — программа 12 шагов. Вообще, если человеку скажут — ты не будешь никогда пить — он отключается. Такая ледяная пустыня! Никого не вдохновит. А у нас — просто. Не пить один день. Сегодня я не пью, а завтра — неизвестно еще. Главное, чтобы человек не думал, что он никогда в жизни не будет пить. Отличная программа. Вот я, например, уже больше десяти лет! Пропала тяга к алкоголю, появилась потребность помочь другим. Многие тут

ко мне обращаются, приходят, звонят по телефону. Помогите! Жены обращаются, родственники, и так далее. У нас под Питером есть «Дом надежды на горе» — это большой центр, где 28 дней курс лечения. Даже не совсем лечения, а реабилитации. Без капельниц и таблеток. На этой горе такой красивый очень вид. И если туда попадает человек — после запоя, после ужаса — он видит этот простор, это небо, поля! Приезжают со всего бывшего Союза. Шевчук помогает. Сейчас вот водопровод провели. Москвичи, Пригов, Тимур Кибиров, Рубинштейн, приезжают иногда.

— А не странно ли, что движение, которое изначально зародилось как союз людей, в принципе, выпивающих, вдруг поменило знаки на противоположные?

— Нет, не странно. Высшая стадия алкоголизма — трезвость. Пить все время невозможно, когда-то ты должен быть трезвым. А после того, как многие друзья оказались на кладбище — пили, пили, и все — тут опять же выбор — жить или пить. Хотя среди митьков есть молодые ребята по всей стране и в других странах, которые выпивают. Я считаю — ну и пусть выпивают, не надо запрещать. Более того, может, кому-то и не вредно. Не все ж люди алкоголики. Кому-то, может, и хорошо, наоборот. Мэру надо знать — и все.

СТРОГО В ТЕЛНЯШКЕ

— Давайте не об алкоголизме, а о чем-нибудь другом. Например, что мне нужно сделать, чтобы прямо сейчас стать митьком?

— Во-первых, чтобы стать митьком, нужно о них вообще знать. Пойти на выставку, почитать книжку. Просмотреть какой-нибудь кинофильм, послушать кассету с музыкой и так далее. Потом — нужно обратиться ко мне: «Могу ли я, Дмитрий, стать митьком?». А я скажу: «Можете, потому что вы и есть митек». У нас нет ни членских взносов, ни этих — как их — документов всяких, поскольку мы движение все-народное. Бывает, по радио выступаешь, а в прямой эфир звонит женщина. «Я уже бабушка пожилая, — говорит, — но мне очень нравятся митьки и я хочу стать митьком».

«Бабуля, — говорю я, — вашего волеизъявления достаточно. Вы — митек». Более того, нет ограничений ни по каким признакам. Мы

за братство всех людей на земле. Ни возраста, ни вероисповедания, ни национальности.

— Значит, я уже митек? И что мне теперь делать? Как жить дальше?

— Прежде всего — начать делать добрые дела. В парадных же случаях надевать телняшку.

— Что значит в парадных?

— На выставку, например. Вот я сейчас на выставке (персональная выставка Шагина в «Клубе на Брестской». — Ред.) — у меня парадный случай. Я строго в телняшке. Ну и как-то приходиться на наши мероприятия. Как-то так. На самом деле — никаких обязанностей нет, а еще родственникам можно говорить: «Вот я, собственнo, митек».

НИКОГО НЕ ХОТИМ ПОБЕДИТЬ

— Что за разрыв произошел у вас с Гребенщиковым? Или это только слухи?

— Нет, дело в том, что Гребенщиков в середине 80-х активно пропагандировал митьков: ходил в телняшке, пел концерты, написал музыку к большинству наших фильмов. Из-за того, что он там в своих песнях словечки употреблял типа «сестра, дык, елы-палы», все о нас узнали. А потом постепенно Гребенщиков стал скорее, что ли, буддистом. Но мы с ним все равно дружим, на концерты ходим. Так что, я думаю, он все же — митек. И митьком на всю жизнь останется, хотя к телняшкам, вроде бы, охладел.

— А вот в «Книге флейтиста» Дюша Романов (покойный флейтист «Аквариума». — Ред.) как-то неласково о вас отзывался...

— Непонятно. Дело в том, что Дюша — он почему-то в книжках вообще не очень по-доброму о людях отзывается. В частности, о митьках. Это, кстати, не только Дюша. Сева Гаккель в своей книжке тоже что-то пишет, типа: «Митьки повлияли на «Аквариум» в плане привнесения в него расхлябанности». Какая-то митьковщина, типа. Так что, я не знаю. У него не спросишь — у Дюши — а в принципе, опять же, мне он ничего такого не говорил. Я книжку видел. Действительно, там какие-то нелицеприятные вещи. Хотя, я считаю, каждый человек имеет право на какой-то свой ассоциативный ряд и высказывания. Что-то ему, видимо, не понравилось, хотя он не пил последний год.

— Может, поэтому?

— Нет, когда он на выставку, на пятнадцатилетие, приходил, так у него не только телняшка была, а даже шапочка из телняшки. Дюша такой строгий митек. Я думаю, в книге ему просто что-то взгрустнулось.

— Да, странно. А телняшку в повседневной жизни вы носите?

— Да я сплю в телняшке! Еще я дарю их, и мне дарят. Очень много.

— Моряки дарят?

— И моряки. И, в общем, телняшка — это символ. Видите, у нас даже флаг полосатый.

— А зачем вам флаг?

— А флаг, опять же, для каких-то случаев. Вот, выставка, например. Конечно, на демонстрацию мы не ходим...

— А политическую партию организовать не пробовали?

— Я думаю, что это невозможно, потому что в каждой партии и так есть свои митьки. В принципе, это вопрос объединения всех.

— Знакомые идеи. Партия должна быть одна?

— Да почему одна?! Пусть будет много разных. Так веселее. Нет, мы за то, чтобы люди обратились к чему-то хорошему, положительному. Митьки ведь никого не хотят победить. А партии

хотят победить кого-то. У нас принцип олимпийский – мы Олимпиаду даже как-то проводили – главное не победа, а участие. Я считаю, что мы и так победили. И это безо всяких там. Без стремления победить.

«БЫЛ БЫ Я ГЛАВНЫМ...»

— А если бы у вас в руках была, скажем, власть – то что?

— Если бы меня назначили царем...

— Царем? Я имела в виду президентом.

— Да нет, у меня был случай, мне предлагали стать царем.

— Кто предлагал?

— Ну, как-то так, в народе. Вот ты, говорят, такой, с бородой. Вид у тебя представительный.

— А что это за народ такой, который предлагал?

— Ну, знакомые там, друзья. Царем, говорят, становись, новую династию организуй. Я говорю, — ага! — кто ж меня пустит в цари. Хотя я особо и не рвусь. Я все-таки не Никита Михалков, чтобы в цари рваться.

— Так что бы вы сделали, став царем?

— Я даже не знаю, с какой стороны взяться. С одной стороны, народ не доволен, что у кого-то денежки народные скопились, и очень радуется, когда сажают олигархов. Но, с другой стороны, гражданской войны тоже неохота. Ведь та революция как получилась? Кто-то воровал, а кто-то бедный сидел и несчастный. И нежелание богачей помочь народу выплеснулось вот в такое вот. Хочется все-таки, чтоб революция происходила мирным путем. А то – что это? Народ бедствует, а кучка жирует. В любую страну, вон, съездите, — там по-другому живут, нет таких проблем, как у нас. А проблема у нас такая, что денег не хватает ни на что.

— То есть, деньги надо поделить?

— Ну, как-то да, надо помочь тем, кому плохо. А то говорят, мы вот пенсию повысили – и повышают тут же цены. От этой пенсии – что? Еще и цены на квартиру повышают.

— Странно такие вещи слышать от митьки, добродушнейшего, в общем-то, человека!

— Некрасиво это все. Не заботливо. Я б с этого начал. Это как Шариков сказал: «А чего тут болтать – взять все и поделить». Самое простое. Но я не знаю, как это сделать – тут все тонко надо. Москва еще ладно. Питер – похуже, конечно, но живет. А если отъехать чуть-чуть – я не знаю, как они там живут. А цены на продукты, между тем, не сильно разнятся. У нас выставки по разным городам есть. Так люди приходят – такое рассказывают!

НАШИ НА САРДИНИИ

— А как люди в провинции реагируют на ваше творчество? Они же там все – ваш потенциальный контингент.

— Для них это праздник. У нас есть выставка – курсирует по разным городам – Тверь, Хабаровск. Так что мы востребованы.

— А на Западе?

— Я как-то стараюсь на Запад не ездить, потому что – а что там делать особенно? Не, ну там тоже, бывает, приглашают с выставками. Особенно русскоязычное население. Приходят, братаются. У нас тут в Лондоне была выставка, — все пришли в тельняшках и да-же своих дру-

зей-англичан нарядили. Так аккуратно – шапка-ушанка – умора. Хотя Лондон, вроде бы, — откуда это все? У меня ощущение, что митьки есть везде. В Париже Хвост у нас есть, музыкант.

— А иностранцы, вообще, понимают, о чем речь идет?

— Оказывается, понимают. У нас на Сардинии было смешно. Вроде бы, такой остров, удаленный. Приехали, прилетели, а там в аэропорту местные с плакатами и в тельняшках – мы митьки, мол. До этого, оказывается, была выставка академистов из Питера, и что-то они там рассказали о митьках. Вплоть до того, что мультик показали «Митьки никого не хотят победить». Хотя Сардиния – место, вроде бы, совсем уж такое, ну, вы представляете.

— Да, там в ушанках особо не походишь. Море...

— В принципе, нам любой город подходит. Мы в Нью-Йорке были, в Германии, в Париже. Но на самом деле, мне бы вот в Тверь сейчас съездить. Интереснее. За границей – хватит, был уже. А в Вятке, к примеру, была у нас замечательная выставка – у меня предки с Вятки. Удивительный город, и люди,

конечно, потрясающие. Эти вятские жители. Город Киров, кстати. Они так и не переименовали. Так что, как-то так. По мере возможности – ездим по родине и идейки свои развозим.

ПОСЛЕ РЕПИНА ВТОРОЙ

— Шинкарев не думает новую книгу написать?

— Нет, про митьков больше не собирается – хватит одной книги. А так – недавно написал книжку «Квартира», в журналах что-то пишет, какие-то трагические исследования.

— А что сейчас у митьков — я могу, наверно, уже сказать, у нас, у митьков – интересного происходит?

— Выставки вот. Книжка моих новых стихов вышла – в прошлом году. С тельняшкой на обложке. Но она уже кончилась, потому что тираж мы делаем маленький.

У Сапего, к примеру, 500 экземпляров. Сложно все.

— А что насчет «Дык, елы-палы»?

— Позавчера мы записывали для Гребенщикова песню «Сестра, дык, елы-палы».

— В живой речи бывает?

— Бывает. Но вообще-то я чаще говорю «Что-о-о ты!!» или «Опаньки!». Да нет, люди ругаются матом, чтоб речь приятнее была, а мы, митьки, вставляем какие-нибудь словечки. Но, опять же, не обязательно говорить «дык», если ты этого не хочешь. У нас самоирония. Шинкарев вот описывает грехи митьков, что митьки такие слякие – жадные. Но, я думаю, без распальцовки надо как-то. Типа, что мы мэтры какие-нибудь, академики – по-моему, это конец уже.

— Вы не мэтры?

— Да нет! Хотя, бывает, люди говорят – вот, вы стали солидными мэтрами, пора. А я считаю – не пора. Смешно тут было: жена Бутусова – она учится – как-то говорит: «Митя, а я по тебе зачет сдавала!». А я думаю: «Вот, за меня уже двойки ставят».

— Да может, и пятерки – она что получила?

— Она просто зачет получила, не знаю там, что. И много таких работ – даже присылают иногда. На степень бакалавра, искусствоведческого и социологического. Изучают. Так что мы – уже история, XX век кончился. А то тут была выставка в Русском музее, я тоже так удивился. Читаю газету, извините, а там написано – выставка Ильи Репина и Дмитрия Шагина. Думаю – ничего себе. Прихожу, а там Серов – портрет Иды Рубинштейн, балерины, Бурлюк – абстрактный такой портрет и мой «Автопортрет из котельной». Откуда он у них – я вообще забыл. Поступило из КГБ СССР. Сильно.

ЧТО НУЖНО ПИТЕРУ

— А где более благодатная для митьков почва – в Москве или в Питере?

— Получается, что в Москве. У нас тут очень много друзей и здесь мы востребованнее. Первая выставка произошла в 87-м году, на Кузнецком мосту – что-то невероятное. После нее нас даже иностранцы пригласили за границу. Фильм даже такой снят «Митьки в Европе», Алексеем Учителем, который сейчас знаменит, а тогда был молодым парнем. А в Питере у нас просто помещение, где алкоголики собираются и выставки делаются. Хотя я считаю – надо дружить. Москва, там, Питер. Одна ночь – сел на поезд... Кстати, сейчас многие москвичи ездят, особенно, когда тепло. И Питеру лучше. Он угрюмый город, а москвичи – веселые, добродушные. Я только за. А не за то, чтобы Питер был чопорный, обособленный и серый.

— А кто из немитьков вам нравится?

— Из музыкантов мне дико понравился армянский эрот, на дудуке...

— Дживан Гаспарян?

— Да-да. Уникальный, конечно. Он приезжал к нам с коллективом из разных стран. Кстати, он у Бори (Гребенщикова. — Ред.) записался и играл на концерте. С Шевчуком дружу.

— Ну да, это сочувствующие.

— Так специально трудно сказать... Я могу сказать, что мне резко не нравится.

— Ну, скажите.

— Та-ак. Ну, про попу не буду, про нее Шевчук всегда говорит. С другой стороны, Пугачева мне нравится, как спела в народном этом фильме «Ирония судьбы». Так очень даже хорошо она поет, молодец. Я даже хотел позвать ее к нам на альбом, но меня Артем Троицкий отговорил – у нее муж там новый, некогда. С Людмилой Марковной Гурченко мы тоже как-то знакомы. Удивительный человек. Она познакомила меня с Никулиным, мы часа два сидели у него на кухне. Много было встреч. Так что даже не хочется говорить о том, что не нравится. Не скажу.

— Не говорите.

— Про художников – а я хожу на многие выставки – мой приятель, учитель Тимура Новикова, так говорит: «Я считаю, что все художники хорошие. Вообще все. Потому что они рисуют картины, а не грабят и убивают». Да, действительно молодцы, чего там. Я только против коммерции, потому что, считаю, искусство не должно зависеть от денег.

— А если кто-то захочет купить вашу картину?

— И покупают. Я даже думаю, с этой выставкой что-то купят. Я не против.

Встречалась Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ